

Чжэн Анья и Ду Сянчэн несколько раз обошли город, но так и не решили, куда податься, и в итоге забрели в Академию Цзися. В тот день там проходил диспут о принципах человеколюбия и всеобщей любви. Поскольку в споре участвовали прославленные ученые из разных школ, слушатели набили зал битком, то и дело взрываясь восторженными криками. Чжэн Анья постояла в сторонке, слушая прения, и, вспомнив о бедственном положении государства Гаочан, невольно тяжело вздохнула. Вдруг она услышала чей-то голос:

— Прошу прощения за дерзость, но не скажете ли вы, принцесса, что заставило вас вздыхать?

Чжэн Анья подняла голову и увидела перед собой студента в белых одеждах. Он был невысокого роста, одет в самые обычные холщовые халат и обувь, какие носили в академии. Его лицо казалось заурядным, но взгляд был острым, словно клинок. Юноша сложил руки в приветственном жесте:

— Студент академии Цзися Вэй Синьчжун приветствует принцессу.

Чжэн Анья ответила сдержанным поклоном и спросила:

— У вас есть дело ко мне, господин?

Вэй Синьчжун снова поклонился:

— Я всего лишь простой человек, не имею ни чинов, ни должностей, так что обращение господин для меня слишком лестно. Просто мне стало любопытно: на сцене идет столь захватывающий спор, почему же принцесса вздыхает?

Чжэн Анья ответила:

— Выступающие говорят складно, они, несомненно, талантливы, но, к сожалению, их слова бесполезны для меня.

Вэй Синьчжун удивился:

— Бесполезны? Тогда позвольте спросить, какие люди могли бы принести пользу принцессе?

Чжэн Анья продолжила:

— Мне не нужны краснобаи, умеющие лишь красиво излагать мысли. Государство Гаочан бедно и слабо, оно постоянно терпит притеснения от соседей, а народ наш по большей части ленив и живет лишь тем, что ест да спит. Мне нужен тот, кто сможет изменить Гаочан.

Вэй Синьчжун улыбнулся:

— И каким же, по вашему мнению, должно стать государство Гаочан?

Чжэн Анья ответила:

— Сильным, процветающим, хотелось бы, чтобы оно стало подобно государству Бохай. Но я понимаю, что это вряд ли возможно. — Она снова тяжело вздохнула. — Мне было бы достаточно, чтобы нас перестали обижать.

Вэй Синьчжун улыбнулся и спросил:

— А есть ли у вас какие-то соображения, как именно сделать Гаочан сильным?

Чжэн Аня призналась:

— Я обдумывала несколько путей, но все они, кажется, ведут в тупик, поэтому я и пришла в академию, чтобы послушать советы других.

Вэй Синьчжун предложил:

— Не могли бы вы поделиться со мной теми методами, которые вы сочли невыполнимыми?

Чжэн Аня пригласила его в укромное место, велела подать чаю и заговорила:

— Как я уже сказала, наше государство слишком мало, население немногочисленно, земли бесплодны, а народ не стремится к прогрессу. Проблем так много, что я не знаю, с чего начать. Сначала я думала укрепить армию, но наш народ — так называемая Раса Богов — от природы тяготеет к спокойной жизни. Они не любят воевать, и если не приставить нож к горлу, не станут сражаться в полную силу. К тому же наше вооружение уступает соседским странам: в наших землях нет ни меди, ни железа, всё приходится закупать за границей. А денег у нас нет, поэтому многие солдаты выходят на поле боя даже без доспехов. — Говоря это, Чжэн Аня опустила голову. — Я также подумывала о поощрении земледелия, чтобы увеличить урожай проса, но земля у нас скудная, воды не хватает, и добиться успеха в этом деле еще труднее. Что же касается просвещения через ритуалы и музыку, как в Бохэе, или развития торговли, как в других странах, то это и вовсе нереально. У нас слишком слабая основа, мы не выдержим таких потрясений.

Вэй Синьчжун слушал и согласно кивал:

— Ваш анализ весьма разумен. Видно, что вы долго размышляли над этим.

Чжэн Аня снова вздохнула:

— Именно потому, что я долго думала и не нашла выхода, мне так грустно.

Вэй Синьчжун спросил:

— Прошу прощения за прямоту, но раз ваше государство постоянно подвергается нападениям, почему оно существует уже тысячи лет? Ведь если бы любая другая страна была настолько слаба, ее давно бы стерли с лица земли.

Чжэн Аня удивилась:

— Господин, я никогда не задумывалась об этом. И правда, если вдуматься, это странно. Я не знаю причин, возможно, я слишком погружена в дела, чтобы видеть картину целиком?

Вэй Синьчжун продолжил:

— Бывали ли в истории вашей страны моменты, когда вы стояли на грани уничтожения? Как вы тогда давали отпор?

Чжэн Аня ответила:

— Старшие рассказывали, что впервые это случилось тысячи лет назад. Враг напал, города Дунчан и Пинчан пали один за другим. Тогда правила моя бабушка. Она повела весь народ на защиту города Гаочан и держалась до тех пор, пока не наступила суровая зима. Враги замерзли, многие погибли, и захватчики отступили. С тех пор мы всегда используем этот метод.

Вэй Синьчжун поинтересовался:

— Но почему Дунчан и Пинчан не устояли, а Гаочан смог?

Чжэн Аня объяснила:

— Город Гаочан построен у гор, он расположен гораздо выше Дунчана и Пинчана, а выше него — лишь вечные снега. Его легко защищать, но трудно взять. К тому же Гаочан — столица, его укрепления надежнее. Зимы здесь куда холоднее, чем на равнине, обычный человек такой мороз не вынесет. Как только мы доживаем до зимы, ситуация меняется. К тому же... — Она замолчала, проглотив последние слова, и поправилась: — Гаочан — наш последний оплот, нам больше некуда отступить, остается лишь сражаться насмерть.

Вэй Синьчжун разгадал ее мысли и улыбнулся:

— А еще потому, что магия Расы Богов в Гаочане сильнее всего, что удваивает вашу боевую мощь? Об этом вы не сказали, но я и сам знаю. А как же вы возвращали утраченные земли? Ведь Дунчан и Пинчан в итоге вернулись к вам.

Чжэн Аня усмехнулась:

— Иногда мы переходили в контрнаступление. А если враг был слишком силен, мы просто ждали. Проходили десятилетия, века, бывшие захватчики страдали от бедствий и войн, превращаясь в слабых противников, и мы возвращали свое. Люди ведь смертны. Какой бы сильный враг ни был, со временем он стареет и слабеет, а мы — нет. Мы в нашем государстве привыкли думать, что пока стоит Гаочан, всё будет хорошо. Но меня гложет тревога: великие державы сильны тем, что у них много людей и воинов. Это то, чего нам не преодолеть. Раса Богов размножается крайне медленно. Даже если у противника будет столько же людей, сколько у нас, после большой войны они восстановят силы через двадцать-тридцать лет, а нам на это нужны тысячи. Поэтому каждый наш солдат — на вес золота. Я боюсь, что однажды мы падём просто из-за нехватки людей.

Вэй Синьчжун долго размышлял, а затем ответил:

— Принцесса, по моему скромному мнению, проблему нехватки воинов можно решить. Более того, Гаочан вовсе не безнадежен. Ваша способность к долголетию как раз может стать преимуществом, которого нет у других стран!

Глаза Чжэн Аньи загорелись:

— Господин, вы серьезно? В чем же преимущество? Я его не вижу.

Вэй Синьчжун улыбнулся:

— В этом мире было немало великих правителей, которые владели половиной Поднебесной, но где они теперь? Все превратилось в прах. Вы задумывались, почему их империи приходили в упадок?

Чжэн Анья ответила:

— Обычно причин несколько: правитель был слишком самоуверен и вел бесконечные войны, либо на старости лет впадал в маразм, либо сам правитель был хорош, но его наследники оказывались никчемными.

Вэй Синьчжун спросил:

— А какие именно проблемы были у наследников?

Чжэн Анья перечислила:

— Распушенность, алчность, внутренние распри или же власть ускользала из рук из-за малолетства государя. Короче говоря, ни одна династия не процветала дольше ста лет.

Вэй Синьчжун хлопнул в ладоши и рассмеялся:

— Именно! Но представьте, принцесса, если бы таким великим правителем стал государь Гаочана — разве возникли бы подобные проблемы?

Чжэн Анья просияла:

— Мы не стареем и не умираем, значит, не будет ни маразма, ни проблем с престолонаследием. Но вот насчет самоуверенности...

Вэй Синьчжун улыбнулся:

— Это уже немало. В мире нет ничего совершенного. Я люблю историю и, читая о временах расцвета, часто думаю: если бы этот мудрый правитель мог прожить двести лет, Поднебесная давно была бы объединена, и не было бы столько войн.

Чжэн Аня спросила:

— Вы хотите сказать, что если Гаочан сможет превратиться из слабого в сильное государство, то дальше всё пойдет как по маслу?

Вэй Синьчжун ответил:

— Верно. Лиха беда начало, но для меня это не станет неразрешимой задачей. — Он встал и почтительно поклонился: — Я готов следовать за вами, принцесса, и помочь вам совершить великое дело.

Чжэн Аня была тронута. Она хотела помочь Вэй Синьчжуну подняться, но вдруг нахмурилась:

— Я очень благодарна вам за то, что вы не гнушаетесь бедностью Гаочана. Но ведь ван Бохя тоже бессмертен. Неужели вы не хотели остаться при нем и помогать ему?

Вэй Синьчжун ответил:

— То, что вас беспокоит, как раз и есть причина моего положения. Не буду скрывать: у меня есть стратегии для укрепления государства, но они не соответствуют ни нынешнему состоянию моей страны, ни предпочтениям вана. Он — добродетельный правитель, который хочет жить в мире с соседями и не имеет амбиций объединить Поднебесную, поэтому мои знания там не востребованы.

Чжэн Аня спросила:

— Вы действительно не боитесь, что в Гаочане жизнь будет трудной, а путь — долгим?

Вэй Синьчжун вздохнул:

— Если я смогу воплотить в жизнь свои знания, я умру без сожалений. Чего мне бояться трудностей?

Чжэн Аня проговорила:

— Вы должны понимать, что я всего лишь принцесса, а не правитель. Моя мать придерживается консервативных взглядов и вряд ли поддержит вас.

Вэй Синьчжун улыбнулся:

— Я понимаю. В юности, путешествуя по миру, я уже бывал в Гаочане и знаю положение дел принцессы.